

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе и
международной деятельности ФГБОУ ВО

Иркутский государственный университет»

доктор социол.н. Григоричев К.В.

27.03 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организацией (Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет») о диссертации Юферовой Евгении Ивановны «Онтопоэтика прозы Бориса Евсеева», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01– Русская литература

Диссертационное исследование Е.И. Юферовой ориентировано на решение таких значимых вопросов современной культуры, как поиск ценностных оснований бытия, понимание состояния мира и человека в нем и позволяет осмыслить современный литературный процесс в его мировоззренческом содержании. Концептуальное осмысление литературного процесса в России последних десятилетий и творчества наиболее ярких его представителей является одной из наиболее актуальных задач современного литературоведения. Диссертация Е.И. Юферовой «Онтопоэтика прозы Бориса Евсеева» вносит в решение этой актуальной задачи весьма серьезный вклад: во-первых, дает методологически выверенную характеристику новейшего реализма – направления еще становящегося и незавершенного; во-вторых, аргументированно и убедительно доказывает, что Б.Т. Евсеев является одним из ярких представителей этого направления; в-третьих, впервые рассматривает творчество данного писателя в свете онтологической поэтики. **Актуальность** темы диссертации также заключается в исследовании прозы писателя, целенаправленно моделирующего вертикальные измерения мира и его мифологические истоки – «гул земли, онемение неба, всезнание воды».

Новизна подхода Е.И. Юферовой состоит в задаче целостного изучения творчества Б. Евсеева, а также в том, что онтологические смыслы поэтики Б. Евсеева она рассматривает в «сквозных» мотивах-иноформах: инфразвук, двойничество, незримое, сверхреальность, пламенеющий воздух, эфир, узкая лента жизни, онтологическая духовность, любовь и т.д. Научная новизна работы определена еще и материалом исследования: большинство произведений Евсеева подвергаются тщательному анализу впервые.

Введение содержит необходимый инструментарий для достижения цели. Диссертант концептуально представляет научную панораму интересующей ее

проблематики, опираясь на основательную методологическую базу предшественников. Артикулированные задачи предполагаются быть решенными при помощи историко-типологического, герменевтического и онтологического методов анализа текста. Но в самой работе методы представлены шире и точнее. Так, диссертант не только ссылается на философа Л.В. Карасева, определившего место онтопоэтики в составе феноменологии, на понимание Л. Аннинского («инструментальная феноменология» Б. Евсеева) и А.Ю. Большаковой («феноменология литературного письма» есть способ «раскрыть онтологические пласты жизни, феноменальность народной судьбы, осознание нацией “своей русскости”») (с.5-6), но и использует алгоритмы феноменологического подхода. А названный историко-типологический метод предполагает точную датировку текстов, хронологический порядок их введения, равно как вычленение принципов типологии, например, мотивированного выбора ряда близких авторов и выявление в их текстах общей образной системы.

Прежде всего, Е.И. Юферова пытается определить в пестроте самых разных имеющихся определений («матовый реализм», «глянцевый реализм», «преображающий реализм» и т.д.) специфические особенности новейшего реализма. Этой задаче посвящена первая глава диссертации «Б. Евсеев и новейший реализм». Принципиальным для исследовательницы является установленное генетическое родство новейшего реализма с традиционным русским реализмом, пережившим преобразование, эволюцию от реализма «символического» и «метафизического» – к реализму «онтологическому». Именно так Е.И. Юферова определяет реализм Б. Евсеева, писателя особой творческой интуиции, стремящегося в своих художественных текстах преодолеть «онтологическую тоску» по «второй, сверхэмпирической, реальности».

Выбранный и мастерски освоенный диссертанткой метод онтологического анализа позволяет ей безошибочно распознать «бытийные замыслы» писателя, расшифровать в его текстах коды-послания, обнаружить символические схемы, константы, эмблематическую стихию, различные пороговые ситуации и, так называемые, «исходные смыслы». Необходимо заметить, что обнаружение и анализ названных «слоев» онтологического сюжета произведений Б. Евсеева производится впервые, что также придает рецензируемой работе научную оригинальность и новизну.

Особую научную значимость рецензируемой работе придает исследовательский ракурс: диссертантку интересует, как через взаимопроникновение содержательной, формально-поэтологической и символической стихий (или слоев, по замечанию автора работы) в каждом рассмотренном в диссертации произведении Б. Евсеева проступают «исходные смыслы». Стремлению проявить эту зашифрованную гармонию подчинена логика исследования, отразившаяся в содержании диссертации.

Так, первая глава диссертации «Онтология смысла и особенности поэтики Б. Евсеева» посвящена анализу «неочевидного». Первый параграф «Метафизика

эмоций в сборнике рассказов Б. Евсеева «Баран» и «Власть собачья» посвящен установлению онтологического «статуса» эмоций: это, по тонкому замечанию соискателя, необходимое «увлажнение жизни слезами», либо проявляющее в человеке духовное начало, либо констатирующее его отсутствие. Эмоция, таким образом, задает нравственные границы смеха, плача, скорби, страха, онтологической духовности. В рассказах «Скорбящий полуночный спас», «Я заставлю вас плакать, хорьки!», «Святые не пьют», «Никола Мокрый» Е. Юферова анализирует «неправильные» эмоции: «зловредный смех», «лживое веселье» как символы-проводники «конца века», «пустоты жизни», «гнилого времени», бездуховности, ложной реальности. Чутко уловлена исследовательницей диалектика реального – сверхреального, бытийного: «неправильные» эмоции являются своеобразной лакмусовой бумагой, проявляющей благодатное значение «правильных», главных эмоций и состояний — смеха и слёз, печали и радости, символизирующих духовный потенциал личности.

Для Е.И. Юферовой не только эмоции как проявление духовности/бездуховности являются проводниками онтологической реальности в художественном мире Б. Евсеева. Безупречная исследовательская интуиция и аналитическая зоркость позволили диссертантке увидеть важную отличительную особенность прозы Б. Евсеева: «изобилие атрибутов вещественного мира, вещей-«иноформ», осмысляемых с точки зрения философских субстанций бытия» (с. 32). Тонкий и глубокий анализ рассказов о поисках другой реальности («Узкая лента жизни»), об онтологическом страхе конечности бытия и его преодолении («Жизнь уходит») и т.д. строится на убедительно доказанной концепции целостности прозы Б. Евсеева: в этой структуре все взаимопроникает, перекликается при помощи емких символов-метафор. Так, по справедливому замечанию диссертантки, тезис «Жизнь-письмо? Жизнь-женщина? Жизнь-припоминание?» в рассказе «Садись. Пиши. Умри...» является «свернутой» метафорой идеи онтологической осмысленности бытия, утверждаемой всей прозой Б. Евсеева. Например, онтологической дивергенцией тезиса «Жизнь-припоминание» является для Е.И. Юферовой рассказ «Узкая лента жизни» – бытийная история о дружбе пана поляка и пана русского, которая разворачивается в онтологической памяти рассказчика. Исследовательница безошибочно улавливает подсказки автора: простые символы «биение», «кроткая симпатия», «замирание» являются проводниками христианской любви как главной формулы бытия, точки «высшей многозначительности». Метафора «Жизнь-женщина» найдена диссертанткой в рассказе «Жизнь уходит» – об онтологическом страхе перед смертью человека, не задумывавшегося ранее о духовном.

Весьма интересен в параграфе втором «Онтологическая эмблематика» анализ эмблематической стихии в произведениях Б. Евсеева: суперзнаки в повести «Дневные огни», эмблема возвращения в романе «Евстигней», мировая душа эфира в «Пламенеющем воздухе», эфирное бытие в «Письмах слепым», эмблема проницания главного в повести «Кутум», и т.д.

Вопреки названию первой главы «Б. Евсеев и новейший реализм», исходных теоретических позиций у Е.И. Юферовой две: обоснование «новейшего» реализма как феномена и онтопоэтики как универсального способа исследования художественных текстов. Соискательница привлекает для обоснования символической архитектоники онтопоэтики Б. Евсева «пучки отношений» и трансформации мифологем К. Леви-Стросса, невидимые глазу «корни» К. Брукса, «взаимодействие серий» и логику «становления» Ж. Делеза, набор повествовательных функций В.Я. Проппа и К. Бремона, «кривую смысла» Я.Э. Голосовкера, «исходные» символы Ю.М. Лотмана, «общие мифопоэтические схемы» В.Н. Топорова (с.22), но реально исходит из положений и терминологии Л.В. Карасева.

Интерес к «новейшему» реализму в теоретическом ракурсе исследования, на наш взгляд, несколько расплывает аналитические усилия диссертанта, поскольку этот термин чаще существует в работе в качестве поэтической метафоры, подменяясь время от времени понятиями «новый реализм», «символический реализм», «онтологический реализм», «метафизический реализм».

Отсюда возникают первые вопросы: есть ли прямая связь онтопоэтики и реализма, если вектор мировидения Б. Евсева постоянно нацелен за границы видимого мира – «от реального к реальнейшему», к интуитивным откровениям? Это свойство реализма «без берегов» или бессилие определить, что такое реальность – материальный мир или индивидуальные ментальные схемы?

На с. 13. читаем: «Символическое познание окружающего мира щедро подсказало “новейшему реализму” наиболее верный путь постижения истины, позволило увидеть принципиально новое изображение бытия человека». А в чем его принципиальная новизна? И почему Евсеев не метафизик, а «новейший реалист»?

Л. Карасев, выводя алгоритм работы с онтопоэтической образностью, предполагал движение от определения исходного смысла – к выяснению того, как он связан с эстетическим целым текста, а в итоге – к сознанию автора. Сама же онтопоэтика в первоисточнике заявлена как дополнительное средство анализа глубинных слоев произведения. Автор диссертации при общей установке на целостный анализ текста к уровню целостности выходит не всегда. Этому препятствует сама логика структуры, которая, несмотря на ее тщательную разработанность, не везде прочитывается в единстве замысла (логическая, хронологическая, проблемно-тематическая?), тем более, что отдельные главы и параграфы названы некорректно, например: 2.2.6. От «Лишнего ребра» к «Глубине текста» (рассказ называется «В глубине текста»); 2.2.7. Сила незримого: о сквернавах, мычащих людях и вздыхании духа; 3.3. Музыкальный код.

Роман Евстигней рассматривается в параграфах 2.2.2.; 2.2.10; 2.2.11; 3.1. Как представляется, избежать фрагментарности позволила бы сквозная группировка текстов по существенному принципу, обеспечивающему типологическое единство (юродство, писательство, эфир...), и тогда не было бы необходимости представлять

роман «Пламенеющий воздух» на 4 страницах. Хотя, вполне можно допустить, что уход от хронологической логики диктует поставленная в исследовании задача: Е.И. Юферова группирует анализируемые рассказы в эмблематические узлы и сосредотачивается на контрапунктных точках повествования — «сквозных» эмблемах, моделирующих и характеризующих художественный мир современного классика: *сверхреальность, инфразвук, дневные огни, незримое, пламенеющий воздух, эфир, узкая лента жизни, двойничество, онтологическая духовность* и т.д.

Для Е.И. Юферовой эмблемы — это признаки присутствия в тексте скрытых, неочевидных структур художественного текста. Так, эмблема *дневные огни* в одноименном рассказе рассмотрена исследовательницей, с одной стороны, как способ специфической маркировки предметно-вещного мира, а, с другой — как символ преодоления «бытийной конечности», примета иного бытия, к которому можно прийти через новую любовь. Анализируются эмблемы, связанные с преодолением «бытийной конечности», а эмблема *дневные огни* актуализирует исходный смысл «торжества любви над смертью».

И еще один яркий пример распознавания другой эмблемы в романе «Евстигней» — *ракоход времени* — оригинального хронотопа, концептуально связанного с другими эмблемами единым смыслом «противостояния смерти» и жизни как высшей ценности. Е.И. Юферова трактует эту эмблему как способ художественной реализации вечной темы остановки на дороге жизни, возвращения.

При всей убедительности рассуждений и обилии исследовательских находок все же возникает вопрос: как соотносятся для диссертантки символ и эмблема? Поскольку в диссертации не наблюдается четкого разведения символического и онтологического реализма (если их есть необходимость разводить), то остается не проясненным заданный вопрос.

Особенно интересным и убедительным является в рецензируемой работе анализ «музыкальных текстов» Б. Евсеева. Эмблемы, эмблематические музыкальные образы, звучание акустического ветра, голос музыканта, двойники, пороги, исходные смыслы организуют в текстах писателя смысловое поле онтологического образа «музыка». Нельзя не согласиться с Е.И. Юферовой, назвавшей музыку «энергично-смысловой структурой» художественного мира Б. Евсеева, способом озвучивания бытийного мира, создания новой реальности.

Поставленную цель — «выявить особенности онтологического реализма Б. Евсеева, раскрыть бытийные основы его прозы» — Е.И. Юферова начинает реализовывать во второй главе — «Онтология смысла и особенности поэтики Б. Евсеева». В этой главе автор работы выделяет сигналы евсеевской метапрозы и аспекты «персональной мифологии» автора, намечает вехи онтологического «смыслостроительства» (с. 21), вычлняя повторяющиеся образы и мотивы: инфразвук, двойничество, незримое, сверхреальность, пламенеющий воздух, эфир, узкая лента жизни, онтологическая духовность. Метафизика эмоций — слёзы, любовную печаль, скорбь; эмблемы «пустоты жизни», бессмертия души, детский

мир и т.д. Но логика выбора эмблем не всегда прозрачна. Почему одним эмблемам и рассказам уделяется внимание, другим – нет? В «Сергиевом лесу», например, отчетливо читается антиномии верха (лес) и низа (овраг, ямы, грязные мысли девочки и низкие желания Маклака; не отмечены эмблемы зеркала (слезы, родник, осколки), смерча в «Николе Мокром».

Неведомое, непроявленное, неочевидное в прозе Евсеева потребовало выработки особого языка для его репрезентации и систематизации. Забота Е.И. Юферовой о стиле становится очевидной с первых положений второй главы: избегая обыденной речи, она использует эвфемизмы и окольные обороты, символично-метафорическое название неназываемого, намек. В большинстве случаев эти приемы непротиворечиво сочетаются с научной терминологией и алгоритмами логического высказывания, но иногда эмоциональные оценки-восклицания автора нарушают стилевое единство работы, например: «Арина-речь» – рассказ неимоверно связный по содержанию и созвучный лексически» (с. 94); «Мысли о предназначении писателя завершают эту удивительно символичную книгу» (с.191); «Кстати, автор часто говорит “показалось”...» (с. 191).

С анализа рассказа «Узкая лента жизни» начинает ярко раскрываться исследовательские дарования автора работы: чуткость к образу, точный подбор цитаты, умение делать акценты на онтологически нагруженных деталях, обосновать связь имени и судьбы, «глухо молчащего христианства» с поэзией язычества, равно как увидеть связь предметных и психологических эмблем с глобальной установкой онтопоэтики противостоять смерти и разрушению.

Сложность поставленной цели выявления бытийных эмблем и символов требует широкой литературной панорамы. А диссертантка удовлетворяется замечанием: «Борис Евсеев по-иному смотрит на мир, такого взгляда мне (!) не доводилось встречать больше ни у одного писателя» (с. 79). Вместе с тем очевидны параллели с Набоковым («легкий кинематограф прозы»), с осколочным письмом Ю. Олеши и мовизмом В. Катаева. Герои, «живущие внутрь» явно берут начало в художественном мире А. Платонова. «Черногор» Б. Евсеева напрашивается на диалог с «Альтистом Даниловым» В. Орлова, «Письма слепым» – с С. Соколовым, литературная среда в «Романчике» – с М. Булгаковым, В. Аксеновым и Ю. Поляковым. У диссертантки нет искушения сопоставить трактовку образа Моцарта в «Евстигнее» и в трагедии Пушкина, тем более, в рассказе «Банджо и Сакс».

В связи с этим возникает вопрос о литературных учителях Б. Евсеева. Вообще, следует отметить, что в работе, возможно, из-за ограниченного объема и отсутствия подобной задачи, проседает литературно-исторический контекст. Принципы онтологического реализма, без сомнения, заложены в литературе XIX века. Это отмечено в работе. Можно ли говорить о точках схождения художественного метода Б. Евсеева и других авторов?

Нельзя не отметить удачных наблюдений над авторской символикой в анализе повести «Мощное падение вниз верхового сокола...». Но остались в резерве анализ композиции как формы целостного представления авторского

замысла, а не в составе метафор «композиция жизни» («судьбы»). Тогда зазвучала бы вставная история про генерала, который убил защищавшего его сокола. Внимание к нарративной технике помогло бы не приписывать размышления повествователя скорпиону (с. 60). Без внимания остается эпизод, в котором носитель верховного разума — сокол — оставляет все свои дела и устремляется к соколихе, т.е., как и Козёл, следует инстинкту. И в целом в диссертации намек часто подавляет конкретику вывода: сны, видения, мыслеобразы, внутренние голоса опознаются как знаковые места текста, но с идеей не увязаны. В итоге спорадически возникает ложный подтекст, например: «Полураскрытый гроб — эмблема, символизирующая не до конца ещё открытую тайну, некий выход в инобытие, кровь предвещает трагический ход событий» (с. 150), а евсеевские символы и конфабуляции нуждаются в добавочном прояснении.

В анализе романа-притчи «Офирский скворец» Е.И. Юферова демонстрирует способности конкретизировать абстракции, опираясь на текст. Здесь выделена и талантливо описана онтопозитика, отражающая авторскую волю к жизни, проекции позитивного начала в возможную сферу идеального, вера в победу простора над расселинами времени.

Хотелось бы услышать, с какими национальными и общекультурными символами можно соотнести мифологию Офира? Остался не проясненным вопрос о типологии героя Б. Евсеева.

В параграфах 2.2.8.–2.2.10. автор диссертации блестяще закрепляет опыт целостного анализа. В «Бориславе» главное и второстепенное тесно связано, отдельные эмблемы, предметные и мифологические спутники имени помогают реализации заявленной в названии проблемы.

В целом глава вторая – это результат освоения обширнейшего материала, точных наблюдений и смелых гипотез и явно не заслуживает ни вывода-посула: «...проза символична, перенасыщена знаками, поэтому, чтобы выйти за пределы реальности, нужно их, безусловно, прочесть...» (с. 75), ни вывода-реестра «...мы обратились., рассмотрели., проанализировали., а также выявили...» (с. 86), ни размытых формулировок: «Таким образом, эмблемы, эмблематические мотивы и образы Б. Евсеева организуют каждый текст как единое целое, а также воплощаются в различных произведениях автора, устраивая его персональный мир» (с. 127).

В третьей главе «Музыкальная онтопозитика прозы Б. Евсеева» исследовательница анализирует центральный в творчестве Б. Евсеева роман «неимоверной онтологической, исторической, метафорической глубины и сложности» (с. 162) — «Евстигней», посвященный судьбе известного музыканта, композитора, одного из родоначальников русской классической музыки Е.И. Фомине.

Е.И. Юферова последовательно доказывает, что роман построен в строгом соответствии приемам скрипичной техники, справедливо подмечает, что писатель буквально «вжился» в судьбу своего героя. Автор рецензируемой работы следует

методу психологического и аналитического «вживания» в художественный мир писателя, что позволяет исследовательнице увидеть скрытую «подоснову» судьбы героя, его музыкальных творений, услышать «музыку мысли», «призвуки жизни», которые «иногда главней звуков». «Легкий кинематограф музыки» — еще одна яркая эмблема, названная исследовательницей «призвуком» подлинного, как некий антидот «мёртвости», «кукольности», «прели». Привлекательна мысль об игре на скрипке — инструменте жизни — как метафизическом представлении, способе не только «просматривания жизни», но и способе выйти к миру горнему, высшему.

Сонатный принцип структуры этой главы включает не только «ракоход» к прежде выделенным темам и эмблемам, но и глубокий анализ эпизодов, зоркость к деталям и, главное, зрелость обобщений. Евстигней поехал за иноземными музыкальными гармониями, а вернулся к национальным истокам к народному хоровому многоголосию. Но, как нам представляется, акцент на содержании ослабил внимание к форме. Логические связи порой трудно уловить, например: «Академия предстаёт в виде гроба, что предвещает нелёгкую судьбу Евстигнея. Здесь же сокрытия чувств» (с. 132). Или: «Снова возникает некий перевёртыш явления, так же как ранее дорога "вбирала" героя» (с. 187). Тем не менее, следует отметить, что проведенный анализ музыкальной атрибутики обнаруживает у исследователя чуткий, тонкий филологический слух. Услышанная ею «феноменальная природа звука» является метафорой такой полноты бытия, которая возможна лишь при условии «выхода за пределы слышимого».

Таким образом, онтологический анализ, предпринятый диссертанткой, сделал возможным проявить глубинные смыслы текстов писателя, увидеть не только взаимопроникновение видимого и невидимого в художественном мире Б. Евсеева, но «общие онтологические схемы» как «единую подоснову текстов».

Замечания, высказанные в отзыве, отнюдь не снижают теоретической, методологической и практической значимости рецензируемой работы.

Работа Е.И. Юферовой состоялась как ценное для филологической науки исследование, содержит богатый опыт для дальнейшего освоения творческого наследия Б. Евсеева. **Научным вкладом** Е.И. Юферовой в осмысление литературного процесса XX века можно считать вычленение и развернутое описание концептуальных эмблем в картине мира Б. Евсеева и разработку методологии интерпретации сложноорганизованных текстов с метафизическим подтекстом. Диссертация содержит материал для изучения теоретических аспектов онтопоэтики, в частности, в плане нематериальных форм ее репрезентации, чем и определяется ее **теоретическая и практическая** значимость. Результаты диссертационного исследования Е.И. Юферовой, репрезентативность материала найдут применение в преподавании курса новейшей русской литературы.

Диссертация Е.И. Юферовой «Онтопоэтика прозы Бориса Евсеева» является актуальной, серьезной, самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой несомненной исследовательской новизны (метод и методология анализа,

малоизученный материал). Самостоятельность исследования подтверждается внушительным списком опубликованных работ: монография, 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 10 — в других изданиях. Автореферат и публикации отражают основные положения диссертационного исследования Е.И. Юферовой.

Таким образом, диссертация Е.И. Юферовой имеет существенное значение для соответствующей отрасли знаний — истории русской литературы, полностью соответствует пункту 9 Положения о присуждении учёных степеней Министерства образования и науки Российской Федерации и удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата филологических наук, а ее автор, Е.И. Юферова, без сомнения, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен кандидатом филологических наук, доцентом кафедры филологии и методики педагогического института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» Климовой Тамарой Юрьевной (специальность 10.01.01 – Русская литература).

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры филологии и методики педагогического института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» в качестве официального внешнего отзыва ведущей организации. Протокол заседания кафедры № 8 от 27 марта 2019 г.

Зав.кафедрой филологии и методики
педагогического института федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Иркутский государственный университет»
доктор филологических наук
Юрьева Ольга Юрьевна

Доцент кафедры филологии и методики
педагогического института федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Иркутский государственный университет»
кандидат филологических наук
Климова Тамара Юрьевна

Контакты:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования, кафедра филологии и методики
«Иркутский государственный университет»

664003, Сибирский федеральный округ, Иркутская область,
г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Телефон: +7 (3952) 521-900

Факс: +7 (3952) 243-453

E-mail: rector@isu.ru

Официальный сайт: www.isu.ru